КАМИЛА ЛЕВИТАН ✦ МИЛАНА СЕДИНА

Развод с предателем.

Ты сделал меня служанкой, но теперь я управляю твоим отелем!

Милана Седина

Развод с предателем. Ты сделал меня служанкой, но теперь я управляю твоим отелем!

«Автор»
2026

Седина М.

Развод с предателем. Ты сделал меня служанкой, но теперь я управляю твоим отелем! / М. Седина — «Автор», 2026

После развода муж забрал у меня дом, деньги и дочь. Теперь я ношу поднос в его отеле, пока любовница примеряет мою жизнь. Они уверены: сломанная официантка не посмеет сопротивляться. Но ради Мии я научусь быть опасной. Мой союзник — влиятельный инвестор Максим Верещагин. Он обещает вернуть украденное, если я добуду доказательства преступлений бывшего мужа. Только у моего спасителя есть тайна, а цена помощи может оказаться страшнее предательства. Они сделали ставку на мою молчаливую смерть. Ошиблись. Я верну дочь, разрушу его империю и заставлю ответить за каждое унижение. Но кем станет для меня Максим: новой любовью или самой опасной ошибкой моей жизни?

© Седина М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Камила Левитан, Милана Седина Развод с предателем. Ты сделал меня служанкой, но теперь я управляю твоим отелем!

Глава 1

В коридоре отеля «Морская Звезда» пахло хлоркой и дорогим парфюмом. У двери VIP-лоджи я поправила чек на подносе: влажный угол загнулся, и цифры прилипали к большому пальцу. Просто принести счёт. Уйти, пока Виктор не нашёл, к чему придраться. После развода он забрал квартиру, машину, большую часть моих акций. Мне досталась работа официантки в его же отеле — и необходимость спрашивать бывшего мужа, заплатит ли он за собственный ужин. Я смотрела на сумму. Деньги, которые для него ничего не значили, могли бы оплатить мне несколько дней без него.

Дверь не открылась сама собой. За ней слышался смех — густой, мужской, победный, и тонкий, визгливый женский смех Ирины. Они веселились над чем-то, что было важнее меня. Я постучала костяшками пальцев по дереву. Громко. Требовательно. Внутри все замерло, ожидая привычной грубости, но тишина стала ответом на мою робость.

Я толкнула дверь. Она поддалась с легким скрипом, и я шагнула внутрь, надеясь проскользнуть незаметной тенью.

— Опять ты?

Ирина даже не обернулась. Она сидела в глубоком кресле спиной к окну, за которым чернело ночное море, и крутила в пальцах бокал шампанского. Её голос был сладким, как испорченное молоко.

— Как муха на торте, — добавила она, наконец повернув голову. На её лице сияла улыбка, от которой хотелось блевать. — Ты совсем не умеешь стучать тихо, Алиса. В этом вся суть твоего присутствия. Шум без пользы.

Виктор сидел напротив, раскинувшись в кожаном кресле так, будто это был трон в его личном замке. Он не смотрел на меня. Его взгляд был прикован к экрану телефона адвоката, который сидел рядом, перебирая документы.

— Оставь её, — бросил Виктор, не поднимая глаз. — Пусть работает.

Он резко махнул рукой, поднялся из кресла и направился к бару. Я отступила к порогу, но его плечо ударило меня в ключицу, когда он проходил мимо, чтобы взять бутылку вина с бара. Это было сделано специально. Легкий толчок, почти случайный, но достаточный, чтобы я покачнулась. Поднос дрогнул. Бокалы звякнули, издавая тонкий, пронзительный звук, который резанул по нервам.

Я стиснула зубы до боли в скулах. «Не проливай. Не роняй. Просто положи счет.»

Положила чек на стол, старательно избегая взгляда на Ирину. Но запах добрался до меня раньше зрения. Дешевая приторная ваниль, смешанная с нотами мускуса. Ирина всегда пользовалась этим ароматом, еще до того, как мы развелись. Тогда он вызывал во мне холодную ярость. Теперь он вызывал тошноту. Этот запах витал в их спальне последние два года, пока я спала одна в своей комнате, слушая, как они смеются за дверью.

— Убери этот поднос, — приказал Виктор, наконец обратив на меня внимание. Его серые глаза были пустыми, как дно колодца. — Он портит вид на море. Мне нужно наслаждаться пейзажем, а не твоим нищенским обслуживанием.

Я перехватила поднос поудобнее. Пальцы онемели от холода фарфора. Я развернулась, чувствуя, как каждый шаг назад превращается в акт самосохранения. Но уйти не дали.

— Стратегическая ошибка, — громко произнес адвокат, мужчина в очках с золотой оправой, не глядя на меня. Он указал пером на бумагу перед собой. — Если бы она не подписала тот договор в прошлом году, мы бы сейчас не возились с этой... процедурой. Она проявила полную финансовую несостоятельность. Даже для юриста это выглядит как патология.

Я остановилась. В горле встал ком. Хотелось сказать что-то профессиональное, жесткое, показать, что я помню свои права, что я архитектор, а не функция. Но прежде чем я успела открыть рот, Виктор поднял руку. Жест был коротким, рубящим. Как дрессировщик, командующий собаке «фу».

— Тише, служанка, — протянул он, растягивая слова. — Ты здесь для того, чтобы наливать вино, а не думать. Твое мнение не входит в смету этого ужина.

Слово «служанка» повисло в воздухе тяжелым грузом. Раньше он называл меня так в постели, шепча на ухо, и мне казалось, что это игра. Теперь я понимала: это была правда. Для него я никогда не была партнером. Я была мебелью, которую можно двигать, чистить и выбрасывать, если она начинает занимать слишком много места.

Ирина хихикнула, прикрывая рот салфеткой.

— Не будь так строг с персоналом, милый. Ах да... Мия.

Имя дочери ударилось о стены ложи, как камень в стекло. Ирина наклонилась вперед, её лицо исказилось маской показного беспокойства.

— Как она там? Эти дети... ну, вы понимаете. С ними сложно. Они ведь не понимают слов, когда им говорят правду. Им нужен режим. Дисциплина. Где-то, где есть специалисты, которые знают, как обращаться с... особенными случаями.

Я сжала поднос так сильно, что ногти впивались в ладони. Защита. Нужно было защищать Мию. Она тихая. Она рисует круги вместо людей. Она обнимает себя руками, когда ей страшно. Она не «особенный случай», она моя дочь.

— Ей будет лучше там, где есть порядок, — продолжила Ирина, и её голос стал бархатным, змеиным. — А ты будешь свободна, Алиса. Подумай об этом. Свобода стоит денег. И места. Интернат уже подбирает программу. Для ее же блага. Чтобы она не мешала тебе работать. Или жить.

Ирина говорила о свободе и улыбалась, будто уже освободила для меня вечер. Я смотрела на её салфетку: она промокнула уголок рта, сложила ткань и снова наклонилась к Виктору. Так же аккуратно они собирались убрать Мию. Чтобы не нужно было приглушать музыку, выбирать тихий ресторан, объяснять девочке, почему мама больше не приходит. Мне хотелось выкрикнуть её имя ещё раз — оставить его здесь, на этом столе, между их бокалами.

Виктор потянулся к телефону, лежащему на столе. Он сделал пару быстрых движений, а затем развернул экран в мою сторону. Фотография документа. Согласие на временное ограничение родительских прав. По причине «эмоциональной нестабильности матери».

— Подпиши, — сказал он просто. Будто просил передать соль.

Я не двинулась. Смотрела на экран, где чёрным по белому было написано, что я опасна для собственного ребенка.

— Я не буду брать эту бумагу, — мой голос прозвучал глухо, чуждо.

Виктор вздохнул, будто я доставляла ему неудобство моей непонятливостью. Он схватил чек, который я оставила на столе, и швырнул его мне в лицо. Бумажка ударила в щеку, скользнула вниз, упала на ковёр.

— Ты даже не можешь позволить себе адвоката, который сможет оспорить это решение через суд, — усмехнулся он. — Подпиши добровольно или потеряешь всё. Квартиру, которую ты снимаешь у нас, доступ к Мии, остатки своих акций. Выбор за тобой, служанка.

Угроза была прозрачной, как вода в стакане Ирины. Юридическая ловушка, захлопнутая прямо во время ужина. Они знали, что я слаба. Что я одинока. Что я боюсь скандалов больше, чем потери всего остального.

Я сделала шаг к двери. Ярость поднималась внутри, горячая, кислотная. Хотелось кричать, схватить бокал и разбить его о стену, сорвать маску с лица Виктора и показать всем, что под ней прячется трус. Но тело не слушалось. Страх сковал плечи; даже вдохнуть до конца не получалось.

Ирина не двигалась с места. Она лишь проводила меня взглядом и тихо, одними губами, шепнула, когда я уже была у порога:

— Не дергайся. Мы уже купили место в интернате. Твой голос ничего не изменит. Ты — никто.

Эти слова застряли в спине, как заноза. Я уже держалась за дверную ручку, но отпустить имя дочери вместе с этой дверью не могла. Я стояла и слушала, как они делят останки моей жизни.

Виктор рассмеялся. Коротко, сухо.

— Молчаливая смерть, — произнес он, обращаясь к адвокату. — Посмотри на неё. Она не может даже ответить. Идеальная жертва. Никакого сопротивления. Только тихое угасание. Это экономит нам время.

«Молчаливая смерть». Он даже не понизил голос перед адвокатом. Я посмотрела на чек у его ботинка: на обороте проступило влажное пятно, от моей руки. Если бы я сейчас заплакала, Ирина предложила бы салфетку. Адвокат добавил бы это к своей «эмоциональной нестабильности». Сколько раз я уже помогала им, извиняясь за собственные слёзы?

Глава 2

Я медленно повернулась. Не к двери. К ним.

Я убрала пальцы с дверной ручки. До подсобки можно было добежать за полминуты, там никто не увидел бы слёз. Но чек остался у его ног. Я принесла его сюда, и подбирать должна была тоже я — только теперь положить так, чтобы Виктору пришлось на него посмотреть.

Я посмотрела на упавший чек. Затем подняла глаза на Виктора. Впервые за эти годы я смотрела ему прямо в лицо — ни слёз, ни мольбы, ни страха.

Поставив поднос у края стола, я освободила руки. Они перестали дрожать. Я аккуратно, методично наклонилась и подобрала чек. Сложила его пополам. Потом еще раз. Положила обратно на стол, ровно посередине, между его телефоном и бокалом Ирины.

Они ждали истерики. Ждали слез. Ждали просьбы о пощаде.

Но я молчала.

Я запомнила каждое слово. Каждую интонацию. Каждый запах дешевой ванили. Каждую морщинку на лице адвоката, который улыбался, глядя на мою покорность. Они думали, что победили. Они думали, что я пустой сосуд, который можно выбросить.

На чеке снова были видны цифры. Адвокат перестал улыбаться: ждал, что я скажу. Я могла назвать ему дату договора, долю акций, каждое слово про мою нестабильность, которое они только что сказали. Пока промолчала. Пусть думают, что я забыла всё, кроме обязанностей официантки.

— Приятного аппетита, — сказала я ровным, безжизненным голосом.

И вышла.

Дверь закрылась за мной с мягким щелчком. Коридор встретил меня тишиной и холодом кондиционированного воздуха. Я шла быстро, почти бежала, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. До подсобки. До темноты. До единственного места, где я могла дышать.

Только я стянула фартук и бросила его на грязный пол, как телефон в кармане джинсов завибрировал. Резко. Настойчиво.

Я достала аппарат. Экран светился тускло в полутьме. Неизвестный номер. Городской код столицы.

Сердце пропустило удар. Кто мог звонить мне в такое время? Адвокаты? Судебные приставы? Нет, они бы написали письмо.

Я поднесла трубку к уху. Голос на другом конце провода был низким, спокойным, с едва заметной хрипотцой. Он не поздоровался.

— Вы слышали всё, что было сказано.

Моя кровь застыла в жилах. Откуда он знает?

— Я могу помочь вам забрать то, что у вас украли, — продолжил незнакомец. Пауза была такой долгой, что я успела услышать шум моря в трубке. — Но цена будет высокой.

Гудки.

Я стояла посреди подсобки, сжимая телефон так, что пластик хрустнул. Лампочка над головой мигнула и погасла, оставив меня в полной темноте. Но впервые за долгое время я не чувствовала себя потерянной. Я чувствовала, что кто-то держит нить, которая связывает меня с выходом.

И эта нить была пропитана ядом.

Виктор обещал, что мои вещи будут в безопасности. «Они лежат в номере, Алиса, не устраивай сцен», — сказал он по телефону, и голос его был мягким, как бархатная повязка на глазах. Я поверила. Глупо, конечно, но после ночи в VIP-лодже, где они с Ириной решали судьбу Мии за бокалом мерло, мне нужна была хоть капля нормальности. Хоть одна ниточка, связывающая меня с прошлой жизнью.

Я вошла в отель через служебный вход, пахнущий жареным луком и дезинфектантом. Администратор Дима, парень с вечными синяками под глазами, отвел взгляд, когда я попросила ключ от люкса номер один.

— Виктор Петрович распорядился, — пробормотал он, перекладывая какие-то бумаги. — Номер занят. Новой хозяйкой.

Ирина стояла у стойки регистрации, перебирая пальцами глянцевую поверхность ресепшн. Она даже не обернулась, когда услышала мои шаги.

— Алиса, милая, — ее голос звучал сладко, как просроченный йогурт. — Твои вещи... ну, скажем так, мы решили их рассортировать. Чтобы не было пыли. Пыль вредна для репутации отеля.

Она кивнула в сторону подсобки, откуда выносили мешки для мусора. Черные пакеты, перевязанные скотчем, лежали грудой на полу. Внутри виднелись ткани, книги, одежда. Моя жизнь, спрессованная в пластик.

Я подошла ближе, чувствуя, как сводит челюсть. В одном из пакетов торчал угол моего чертежного блока. Ландшафтный дизайн. То, чем я жила до того, как стала «женой владельца». До того, как стала официанткой в собственной семье.

— Отдайте, — прошептала я.

Ирина наконец посмотрела на меня. В ее глазах не было злобы, только скука человека, наблюдающего за муравьем.

— Это уже собственность отеля, Алиса. Неблагодарность — плохая черта для женщины твоего статуса. А твой статус сейчас — «проблема».

Из отеля я добралась до нашего дома. Квартира, которую мы купили на общие деньги, оказалась закрыта новым замком. Стучала кулаком в дверь, пока боль не прошила костяшки. Изнутри послышался шум, и дверь приоткрылась. На пороге стоял не Виктор, а человек в дорогом халате. Мэр. Улыбка политика, дежурная и липкая, как смола.

— Простите? — спросил он, оглядывая меня сверху вниз. Мой униформенный фартук, растрепанные волосы, глаза, покрасневшие от бессонницы.

— Здесь моя квартира, — сказала я, и голос дрогнул, выдавая слабость, которую я ненавидела. — Мои документы. Свидетельство о рождении Мии.

Мэр вздохнул, будто разговаривал с сумасшедшим на остановке.

— Алиса, давайте без драмы. Виктор оплатил все долги по ипотеке. Вы подписали договор займа под проценты. Юридически здесь живут люди, которым я оказываю услугу. А вы... вам лучше уйти, пока я не вызвал охрану. Закон есть закон. Даже для тех, кто теряет право голоса.

Он закрыл дверь перед моим носом. Я ещё держала ладонь поднятой, собираясь снова постучать. За дверью звякнула чашка — мэр вернулся к кофе. Миино свидетельство лежало там же, где я хранила его после рождения: я помнила папку, порядок листов, мятый угол обложки. Всё это теперь требовало чужого разрешения. Ладонь медленно опустилась. Охрану он действительно мог вызвать, и тогда у них появилась бы ещё одна история обо мне.

Интернат «Солнечный берег» находился за городом, среди сосен, которые казались слишком высокими, чтобы быть настоящими. Охрана не пустила меня внутрь. «Нет судебного решения о свиданиях. Приказ директора», — сухо отчиталась женщина в очках.

Но с дорожки вдоль ограды я увидела Мию.

Через большое окно игровой комнаты девочка сидела одна в углу. Она раскачивалась вперед-назад, тихо напевая одну и ту же ноту. Рядом валялись яркие кубики, но она не трогала их. Ей было страшно. Я чувствовала этот страх кожей, как электрический разряд.

— Мия! — крикнула я, вцепляясь в прутья ограды. За ними, всего в нескольких метрах, было стекло игровой.

Девочка дернулась, подняла голову. Ее глаза, большие и темные, искали меня. Она попыталась встать, но медсестра грубо схватила ее за плечо, развернула спиной к окну. Лицо ребенка исчезло.

— Уберите руки! — закричала я, но охранник уже взял меня под локоть, оттаскивая от ограды. Его пальцы впивались в кожу, оставляя синяки.

Когда меня выпнули за ворота, я полезла в карман куртки. Там, в глубине, под подкладкой, нашлась маленькая пластмассовая фигурка. Кит. Синий, с белым брюшком. Мия всегда держала его в руке, засыпая. Я сунула его сюда в панике, когда люди Виктора увозили наши вещи, и совсем об этом забыла. Теперь это была единственная связь. Единственный кусочек тепла в этом мире изо льда и стекла.

Я села на бордюр у дороги. На белом брюшке кита осталась тёмная полоска от моего пальца; я тёрла её рукавом, пока не поняла, что плачу. Мия бы заметила грязь. Поднесла бы игрушку к самому носу, повертела и протянула мне: исправь. А я не могла исправить даже то, что её сейчас держали за плечо в нескольких метрах от меня. Автобусы проходили мимо; я отворачивалась от окон, пряча лицо за курткой.

Ночь я провела в подсобке отеля. Жесткий матрас пах плесенью и химией. Свет ламп дневного освещения резал глаза, но я не могла уснуть. Каждый шорох крысы в вентиляции казался шагом Виктора.

Дверь открылась. Виктор вошел, не включая верхний свет, лишь подсвечивая лицо фонарем телефона. Он выглядел уставшим, но довольным собой.

— Ты теперь часть интерьера, Алиса, — сказал он, бросая на мои колени конверт с повесткой в суд. — Не шуми. Гости могут услышать твои истерики.

Он стоял надо мной, и я видела, как расширяются его зрачки. Ему нравилось видеть меня сломленной. Нравилось знать, что я зависима от него, от этого потолка, от этой вони хлорки.

— Уходи, — сказала я. Голос был ровным.

Виктор усмехнулся и вышел, оставив дверь приоткрытой; свет из коридора бил мне в глаза.

Я не спала. Я собрала рюкзак. Положила туда кита, повестку, блокнот и ручку. Тишина стала моей броней. Если они думают, что я бесправная вещь, пусть смотрят. Я запомню каждый их шаг. Каждую ложь. Каждую улыбку Ирины.

Глава 3

Утро началось с запаха свежего кофе. Ирина заказала сложный напиток — эспрессо с двойной порцией молока и карамельным сиропом. Она стояла у барной стойки в холле, окруженная двумя дамами из мэрии.

— Чашка грязная, — сказала она, когда я протянула ей стакан.

Ее рука метнулась, и горячая жидкость плеснула на мою униформу, на грудь, на живот. Кофе растекался по ткани, обжигая кожу сквозь тонкий хлопок.

— Извините, — произнесла Ирина громко, чтобы слышали все. — Но в отеле должен быть порядок. А ты, Алиса, внесла хаос. Замени форму. И извинись перед гостями.

Дама рядом хихикнула. Для них это было шоу. «Бедная жена, ставшая прислугой».

Я взяла тряпку. Аккуратно вытерла стол, где разлился кофе. Затем подняла глаза на Ирину. Я не моргала. Я смотрела прямо в ее нарисованные идеальные черты, в пустые глаза. Долго. Холодно. Так долго, что смех вокруг стал стихать. Ирина отвела взгляд первой, нервно поправила прическу.

— Иди уже, — буркнула она.

Я ушла, чувствуя на спине чей-то пристальный взгляд. Тяжелый, оценивающий. Не насмешливый. Опасный.

Обеденный перерыв я провела в кафе у моря, пытаясь дозвониться старым коллегам-архитекторам. Телефон молчал или отвечал вежливым отказом.

— Алиса, ты знаешь, Виктор сказал, что ты нестабильна. Мы не можем рисковать репутацией бюро.

Я слушала короткие гудки и всё ещё прижимала телефон к уху. В бюро знали, как я работаю. Видели мои чертежи, звонили, когда не сходился чужой проект. Теперь одного слова Виктора хватило, чтобы они боялись даже моего имени на экране. Хотелось набрать ещё раз, заставить коллегу дослушать. Вместо этого я открыла следующий контакт. Мне нужна была работа — и хотя бы один человек, который ответит мне, а не ему.

Вечером я вернулась в VIP-лоджу. Счет за ужин двух дней назад все еще висел незакрытым. Виктор был там один. Без Ирины. Он пил коньяк, глядя в темное море.

— Чек, — положила я бумагу на стеклянный столик.

Он не посмотрел на цифру.

— Сумма не соответствует услугам. Я буду спорить.

— Спорьте, — сказала я, не двигаясь с места. Обычно я уходила сразу, боясь его взгляда. Сегодня я осталась.

Виктор поднял глаза, удивленный моей смелостью.

— Что тебе нужно? Деньги? Их нет.

— Мне нужно, чтобы вы заплатили, — ответила я. И добавила тише, почти нежно: — Или я расскажу полиции про ваши разговоры с Ириной в служебном лифте. Про то, как вы целуете ее шею, пока я убираю постель. Про то, как вы обсуждаете, как быстро отправить Мию в интернат, чтобы не платить алименты.

Лицо Виктора побледнело. Коньяк дрогнул в его руке.

— Ты... шпионишь?

— Я работаю, Виктор. А стены имеют уши. Особенно те, которые ты сам построил.

Виктор посмотрел на дверь, потом на меня: проверял, кто ещё слышит. Я едва не испортила всё улыбкой. Мне хотелось перечислить всё, что я знала. Но тогда он увидел бы, насколько короткий у меня список. Я оставила последнее слово висеть между нами.

В этот момент дверь лоджи открылась.

На пороге стоял мужчина. Высокий, в черном пальто, которое стоило больше, чем весь этот отель за месяц. Максим Верещагин. Инвестор из столицы. Тот, кто арендовал лучший номер и требовал личного обслуживания.

В руках он держал два бокала шампанского. Золотые пузырьки играли в свете люстры.

— Добрый вечер, господа, — произнес он низким баритоном, который резанул воздух. — Кажется, у вас возникли проблемы с оплатой. Или с памятью?

Виктор замер, словно загнанный зверь.

Максим прошел внутрь, не снимая пальто, и поставил бокалы на стол, между нами. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержавшись на секунду дольше положенного. В его серых глазах не было жалости. Был интерес. Холодный, расчетливый интерес хищника, заметившего, что жертва научилась кусаться.

— Алиса, верно? — спросил он, обращаясь ко мне, игнорируя Виктора. — Вы умеете хранить секреты. И умеете ждать своего часа.

Я почувствовала, как внутри что-то щелкнуло. Не испуг. Надежда. Опасная, как битое стекло.

Виктор схватил меня за запястье, его пальцы впились в кожу, оставляя белые полосы.

— Что ты знаешь? — прошипел он, глядя на Максима с яростью.

Я посмотрела на его руку, потом в его глаза, полные животного ужаса, и мягко ответила:

— Я знаю всё, Виктор. Но мне нужно место получше, чем эта подсобка. И защита получше, чем твоя совесть.

Максим улыбнулся. Едва заметно. Уголки губ дрогнули, но в глазах осталось ледяное спокойствие.

— Я могу предложить и то, и другое, — сказал он, поднимая бокал. — За ваш счет, конечно.

Подсобка пахла плесенью и чужой усталостью. Я сидела на жестком матрасе, слушая, как за тонкой стеной гудит вентиляция отеля «Морская Звезда». В кармане куртки лежала записка от Максима Верещагина: «Причал №4. 23:00. Приди одна». И телефон, который я стянула из подсобки, пока дежурный бухгалтер дрых после смены.

Я вышла через служебный вход, прижимаясь спиной к кирпичу. Ночная улица была пустынна, только фонари лили желтые пятна на асфальт. У ворот меня ждал Гена. Охранник с лицом, похожим на мокрый бетон, перегораживал выход, скрестив руки на груди.

— Ни одной мухи без пропуска, Алиса Сергеевна, — его голос был скрипом несмазанного замка. — Виктор Петрович сказал: ни шагу из здания.

Я не стала спорить. Спорить было бессмысленно, и я это знала лучше него. Просто посмотрела ему в глаза и начала говорить тихо, ровно, как диктор прогноза погоды.

— Смена началась в 18:05, ты опоздал на две минуты, потому что жена звонила насчет кредита. Долг за ремонт крыши твоего гаража висит уже три месяца, сумма — восемьдесят четыре тысячи. Ты скрыл этот расход от бухгалтерии, списав его на «мелкие хозяйственные нужды», но в акте нет подписи поставщика. Если завтра утром эти цифры попадут в аудит-отчет, который я могу передать кому угодно...

Гена побледнел так, что даже веснушки на носу стали серыми. Его челюсть дернулась. Он смотрел на меня, как на привидение, которое знает его грехи до мелочей. Молча, не разгибая рук, он шагнул в сторону. Калитка открылась со звуком ржавого вздоха.

Выйдя на набережную, я почти столкнулась с Ириной. Та гуляла в одиночестве, в дорогом пальто, которое стоило больше, чем моя зарплата за полгода. Она остановилась, оглядывая меня сверху вниз.

— Ты пахнешь дешевым мылом и страхом, Алиса, — произнесла она холодно, без эмоций. Это было хуже крика. — Виктор предупреждал тебя. Если полезешь к этим столичным

барыгам, он сломает тебе руки. Так, что карандаш ты больше не удержишь. А архитектор без рук — это просто мусор.

Мое сердце заколотилось, но лицо осталось каменной маской. Я сделала шаг ближе, вторгаясь в её личное пространство.

— Вы забыли надеть перчатки, Ирина, — сказала я, глядя ей прямо в зрачки. — На вашей сумочке еще не высохла кровь. Или это косметика? Хотя запах железа слишком отчетлив для парфюма.

Ирина вздрогнула. Её уверенная улыбка треснула, как тонкий лед. Она инстинктивно прижала сумку к себе, отступила на шаг, потеряв ту высокомерную статику, которая делала её королевой этого города.

— Психованная шлюха, — прошипела она и развернулась, ускоряя шаг.

Я выдохнула. Руки дрожали, но я засунула их в карманы, чтобы никто не видел. До причала оставалось пять минут ходьбы.

Заброшенный причал №4 встретил меня запахом соли и гниющего дерева. Луна пряталась за облаками, и море чернело, как чернила. Но там, у воды, стояла фигура. Не Максим.

Виктор Сорокин.

Он курил, выпуская кольца дыма, которые мгновенно съедал ветер. Увидев меня, он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у меня когда-то начинали болеть зубы.

— Решила просить прощения? — спросил он, бросая окурок в воду. — Или пришла украсть еще что-нибудь? Пропажу телефончика мы обнаружили, Алиса. Кража имущества владельца бизнеса. Полиция будет рада.

Я понимала: это ловушка. Он ждал, что я буду умолять, плакать, объяснять. Я молчала. Подняла взгляд на трещины в бетоне пирса, потом на ржавые тросы, свисающие с опор.

Села на холодный камень. И начала считать вслух.

— Один... два... три...

Виктор моргнул. Его улыбка погасла.

— Что ты делаешь?

Глава 4

— Четыре... — продолжила я ровным тоном, игнорируя его полностью. — Пять...

Виктор больше не улыбался. Я смотрела на его пальцы, прижатые к боку: он уже собирался меня схватить. Ещё вчера я поспешила бы объяснить, успокоить, назвать его имя мягче. Теперь продолжала считать. Пока он требовал ответа, хотя бы эти пять секунд принадлежали мне. И это, судя по его лицу, было непереносимо.

— Хватит валять дурака! Вставай!

Его рука метнулась вперед, хватая меня за плечо. Пальцы впивались в ткань куртки, причиняя острую боль. Синяки расцветали под кожей мгновенно. Он тянул меня вверх, пытаясь затащить обратно в отель, в свою клетку.

— Ты думаешь, ты умнее всех? — шипел он мне в лицо, и я чувствовала запах дорогого табака и его собственной ненависти. — Ты никто. Служанка. Мать неполноценного ребенка.

Я сопротивлялась, но физически он был сильнее. Мои ногти скребли по его рукаву. В горле встал ком стыда и бессилия. Я собиралась крикнуть, когда из темноты раздался сухой, механический щелчок.

«Клик.»

Вспышка. Яркая, белая, ослепительная.

Виктор замер. Из тени позади него вышел мужчина. Высокий, в черном пальто, держащий в руке не оружие, а старинный зеркальный фотоаппарат.

Максим Верещагин.

Он смотрел на Виктора спокойно, как энтомолог смотрит на жука, которого случайно придавил пальцем.

— Отпустите её, Виктор Петрович, — голос Максима был низким бархатом. — Или завтра утром эти кадры, где владелец отеля применяет силу к бывшей жене в рабочее время, лягут на стол мэру. А мэр очень любит такие истории перед выборами. Особенно если они подтверждены снимками.

Виктор медленно разжал пальцы. Страх в его глазах был виден даже в полумраке. Он знал, кто такой Максим. И знал, что тот не блефует.

— Вы пожалеете об этом, Верещагин, — проговорил он сквозь зубы.

— Уже нет, — ответил Максим, убирая камеру.

Виктор развернулся и ушел, быстро, почти бегом, оставляя после себя лишь запах ненависти и колеблющиеся отражения в черной воде.

— Идем, — коротко сказал Максим, указывая на качающуюся на волнах яхту.

На борту «Сирены» было тепло. Пахло свежесваренным кофе, дорогой кожей и морем. Максим не предлагал мне сесть. Он просто поставил передо мной на полированный стол папку.

— Завтра банкет в честь открытия нового крыла. Тебе нужно принести шампанское в VIP-лоджу. Запомнить всё. Имена тех, кто платит наличными. Обсуждения «серых схем». Всё.

Я сжала губы.

— Я не шпионка, Максим. Мне нужна дочь. А не ваши секреты.

Он не стал спорить. Не повысил голос. Просто открыл папку. Внутри лежала медицинская карта Мии. Диагноз, написанный врачом Виктора: «Тяжелая девиация поведения, требующая изоляции». И документы интерната, куда её поместили.

— Либо ты работаешь на меня, либо Мия останется там навсегда, — сказал он. — Система Виктора контролирует контакты. Я могу дать тебе адвоката, который оспорит решение суда. Но только если ты принесешь ему компромат. Информация против информации.

Я смотрела на строчки в карте. Почерк врача был небрежным, циничным. Они решали судьбу моего ребенка за чашкой кофе в ресторане. Внутри меня что-то оборвалось, но вместо слез пришло ледяное спокойствие.

— Хорошо, — выдохнула я. — Но я хочу видеть её хотя бы раз в неделю.

Максим усмехнулся. Холодным, сухим смехом, от которого пробирало до костей.

— Сейчас я не могу гарантировать даже это. Ты согласна?

Альтернативы не было. Я кивнула.

Максим протянул мне бокал. Не вина, а простой воды.

— Пей. Завтра понадобятся силы.

Он наблюдал за мной, пока я пила. Потом задал вопрос, который повис в воздухе тяжелым камнем.

— Почему ты не плачешь? Большинство женщин на твоем месте уже истерили бы или умоляли.

Я поставила бокал. Посмотрела ему в глаза.

— Слезы — это вода. А мне нужен огонь.

Максим внимательно изучал мое лицо, оценивая, насколько искренне это звучит.

— Огонь опасен, Алиса. Он может сжечь тебя саму.

Я молча достала из внутреннего кармана свой старый блокнот архитектора. Ручка скользнула по бумаге. Я быстро набросала ту часть яхты, через которую мы прошли, отмечая точки нагрузки и слабые места конструкции. У переборки пахло топливом, хотя в салоне этот запах почти забивал кофе. Линии были четкими, профессиональными. Я протянула блокнот Максиму.

— Я знаю, где искать утечку топлива: за этой переборкой, у отсека В-4, — сказала я, глядя на рисунок. — Не спите сегодня.

Максим перевернул страницу, провёл пальцем по линии переборки. Я ждала, что он назовёт меня сумасшедшей — как Виктор всякий раз, когда я замечала в его планах ошибку. Но Максим спросил взглядом, где именно. Я ткнула ногтем в рисунок. Мне хотелось, чтобы он понял: если я умею незаметно нести шампанское, это ещё не значит, что больше я ничего не умею. Его брови поднялись; он наконец смотрел на линии, а не на мою униформу.

— Игра начинается, — констатировал он.

Я покинула яхту раньше, чем он успел сказать что-то еще. Дорога назад в подсобку казалась короче. Ветер стих.

Ложась на жесткий матрас, я закрыла глаза. Впервые за месяц сон пришел мгновенно, глубокий и черный. Мне не снился Виктор. Мне снилось лицо Максима, отраженное в черной воде моря. Спокойное. Опасное.

Утром я проснулась от звука чайника в общей кухне. Ощущение было странным: легким и тяжелым одновременно. Я сунула руку в карман куртки, чтобы проверить, на месте ли телефон. Пальцы наткнулись на картон.

Визитка.

Я развернула её дрожащими руками. На обороте, аккуратным почерком, было написано: «Морская Звезда. Кабинет директора. Ключ от сейфа — дата нашего знакомства».

Дата нашего знакомства. То есть тот вечер в лодже, когда я впервые увидела его лицом к лицу.

За окном серело утро. Я прочитала записку ещё раз, прикрыла большим пальцем слова «кабинет директора». Сколько раз проходила мимо этой двери, торопясь не попасться Виктору на глаза. Теперь мне предстояло войти, открыть сейф и потом выйти с тем, чего он не хотел отдавать. Я проверила карманы куртки. Визитку убрала отдельно от телефона, чтобы не выронить вместе с ним.

Игра началась.

Визитка жгла карман куртки, как раскалённое железо. «Ключ от сейфа — дата нашего знакомства.» Я сжала зубы так, что свело скулы. Максим Верещагин не давал подарков. Он давал задания на выживание. И первым условием было найти крысу в отеле, которая продала его приезд Виктору ещё до того, как инвестор успел поставить чемодан в номер.

Я начала с низов. С тех, кого Виктор считал мебелью. Горничные в прачечной пахли хлоркой и усталостью. Лена, худенькая девочка с вечными синяками под глазами, перетирала полотенца для VIP-лоджи. Она вздрогнула, когда я подошла к ней ближе, чем положено по этикету «служанки».

— Ты чего? — шепнула она, озираясь на камеру над дверью.

— Мне нужно знать, кто звонил директору утром, когда приехал гость из Москвы. Не тот, кто встречает гостей, а тот, кто докладывает.

Лена побледнела. Её руки замерли над стопкой махры.

— Алис, ты спятила? Виктор узнает — он меня выкинет на улицу без выходного пособия. Я боюсь его больше, чем тебя. Уйди.

Она была права. Страх перед Виктором здесь был религией. Но страх перед нищетой был сильнее. Я достала телефон, где в галерее лежало фото, сделанное случайно месяц назад: Лена, закрывшись в кладовой, набивает сумку дорогим шампунем и конфетами из мини-бара лобби. Доказательство мелкой кражи, которое могло стоить ей карьеры в любом другом месте, но здесь, при Викторе, стало бы билетом в полицию.

— Если ты молчишь, я покажу это фото охраннику Димону. А если скажешь правду... мы обе будем в безопасности. Потому что система, которая считает нас расходным материалом, скоро треснет. И я хочу быть среди тех, кто держит её за шкирку, а не падает вместе с ней.

Лена смотрела на экран, потом на мои глаза. В её взгляде плескалась ярость загнанного зверя.

— Это Глеб, бухгалтер. Тот самый, который плачет в туалете после совещаний. Виктор обещал ему премию за закрытие квартала, а вместо этого сократил зарплату на тридцать процентов, назвав это «оптимизацией штата». Глеб ненавидит его. Он передал информацию сам, чтобы навредить.

Лена отвернулась к полотенцам, но уже не складывала их — комкала край махры между пальцами. Я убрала экран. Она теперь боялась и меня; это было видно, как ни старайся назвать шантаж нашей общей безопасностью. Зато имя у меня было. Мне нужно было передать его Максиму, прежде чем Лена передумает и побежит к Виктору. У служебного лифта я нажала кнопку. Двери разъехались — внутри стоял мой бывший муж.

Он выглядел безупречно. Костюм цвета индиго, часы, которые стоят больше, чем моя годовая аренда жилья. Его глаза скользнули по мне, оценивающе и презрительно, как по грязному пятну на дорогом ковре.

— Что ты здесь делаешь, служанка? — голос бархатный, опасный. — Тебе мало подсобки? Или ты решила, что сможешь проскользнуть в кабинет директора, пока я занят с твоим новым «покровителем»?

Глава 5

Мое сердце колотилось о рёбра, грозя сломать их. Физически он был выше, тяжелее, агрессивнее. Он сделал шаг вперед, блокируя выход. Я видела, как напряглись его челюсти. Он теснил меня к открытой кабине лифта, чтобы никто не видел. Чтобы доказать свою власть.

Но я вспомнила слова Максима: «Твоя сила в незаметности». Я не стала спорить. Не стала оправдываться. Я посмотрела вниз, на свои потертые ботинки, и тихо произнесла:

— Протекает вода в третьем коридоре. Кафель уже начал отходить. Если сейчас не вызвать сантехника, через час будет авария в номерах. Вы же не хотите жалоб от постояльцев, господин Сорокин?

Виктор замер. Его лицо исказилось не от злости, а от досады. Ему было скучно меня мучить, если я превращалась в функционера. Для него я должна была быть либо жертвой, либо врагом. А тут — скучная бытовая проблема.

— Потом будешь отвечать за протечки, — фыркнул он, отступая в угол кабины, освобождая проход. — Избавься от неё, если она мешает бизнесу.

Я отступила в коридор, и двери закрылись за Виктором. Колени дрожали; до выхода пришлось идти, касаясь пальцами стены. Он отпустил меня из-за кафеля. Стоило заговорить о протечке — и я снова оказалась полезной, достаточно скучной, чтобы оставить меня в покое. На следующую встречу это могло не сработать. Но сейчас мне досталось несколько минут, и я не собиралась тратить их на благодарность.

На яхте было тихо. Волны мягко ударяли о корпус, создавая ритм, похожий на биение сердца. Максим сидел в кресле на палубе, окутанный сигарным дымом. Он не обернулся, когда я подошла.

— Глеб, — сказала я, останавливаясь в двух метрах от него. — Бухгалтер. Мотив — месть за украденную премию.

Максим медленно повернул голову. Его серые глаза были холодными, как морская глубина зимой.

— Это интересно. Но недостаточно. Ты принесла имя предателя, Алиса. А мне нужны доказательства преступления. Виктор должен показать зубы. Должен совершить действие, которое нельзя объяснить случайностью или административной ошибкой.

— Что конкретно? — спросила я, чувствуя, как внутри всё сжимается от напряжения.

— Тайные счета. Он переводит деньги через офшорную компанию «Звезда-Голд», чтобы вывести активы перед разводом и теперь перед банкротством. Мне нужна цифра. Дата транзакции. Любое подтверждение, что он готов идти на преступление ради сохранения своего замка из песка.

Транзакция. Дата. Цифра. Я повторила про себя три слова, чтобы не выдать, как плохо представляю, что найду в сейфе. Имя бухгалтера Максим принял, словно я принесла не то блюдо. Теперь требовалось влезть в счета — туда, где Виктор прятал и мои деньги. Страх никуда не делся. Просто рядом с ним появилось желание первой увидеть сумму, которую бывший муж так тщательно от меня скрывал.

— Завтра в кабинете директора, — произнесла я. — Код на визитке.

Максим усмехнулся, впервые за время нашего общения показав зубы. Это не была улыбка. Это был оскал хищника, почуявшего кровь.

— Иди. Но помни: если тебя поймают, я не буду вмешиваться. Твоя дочь станет сиротой при живом, но опальном отце. Выбирай осторожно.

К вечеру мокрый асфальт ещё пах дождём. Я направилась к главному входу отеля, минуя служебный вход. В вестибюле дежурил охранник Игорь, здоровенный мужик с лицом каменщика. Он преградил мне путь, скрестив руки на груди.

— Доступ отозван, Алиса. Проход запрещен.

— Открой рот, Игорь, и ты пожалеешь, — мой голос звучал чуждо, твердо. Я выпрямила спину, расправила плечи. Внутри бурлил страх, но снаружи я играла роль личного помощника человека, которого боялся весь город. — Меня прислал господин Верещагин. У него срочный вопрос по документации в сейфе. Если через минуту меня не будет в кабинете, ты потеряешь работу. Или свободу. Выбор за тобой.

Игорь заколебался. Его глаза забегали. Он знал имя Верещагина. Он слышал разговоры о том, какой этот человек опасный. Тридцать секунд тишины растянулись в вечность. Наконец, он отвел взгляд и отошел в сторону.

Его взгляд я чувствовала спиной. Я не ускорилась, хотя хотелось бежать. Если остановит и потребует позвонить Верещагину, от моей уверенности ничего не останется. Поэтому шла к кабинету тем шагом, каким раньше входила на встречи с заказчиками. Меня прислали. Меня ждут. На повороте охранник исчез из виду; только тогда я выдохнула.

Кабинет директора находился на последнем этаже, за стеклянными дверями. Внутри было холодно и пусто. Пахло кожей и пылью. Я подошла к массивному металлическому шкафу в углу. Руки дрожали, когда я вводила код: «15.09.2023». Дата нашей встречи. Щелчок. Дверца открылась.

И там ничего не было.

Пустые полки. Пыль. Никаких папок, никаких ноутбуков, никаких чеков. Только глубокие царапины на замке и следы недавнего вскрытия. Кто-то был здесь раньше меня. Или это ловушка?

Сердце ушло в пятки. Паника захлестнула горло. Если сейчас войдет Виктор...

Я достала телефон. Пустые полки, царапины у замка, весь шкаф — сняла по очереди. Максим мог сказать, что я плохо искала, но эти снимки он получит. Последний кадр вышел смазанным; я пересняла, задержав дыхание. Потом закрыла сейф и оглянулась на дверь. Даже из пустого кабинета мне удалось что-то унести.

Я вышла из кабинета, стараясь дышать ровно. В коридоре второго этажа, у окна с видом на море, стояла Ирина. Идеальная жена мэра. Идеальная любовница моего бывшего мужа. Она крутила в руках бокал с водой, наслаждаясь моментом.

— Ну как, нашла свое сокровище? — пропела она сладким голосом. — Знаешь, Алиса, завтра утром твою дочь переводят в интернат «Светлый путь». Хорошее место. Там учат дисциплине. Может быть, там из неё наконец выбьют эту странную аутичную заторможенность. Виктор очень рад, что ты наконец угомонишься. Мы все рады.

Она ожидала слез. Ожидала истерики. Ожидала, что я упаду на колени и буду умолять.

Я остановилась. Посмотрела ей прямо в глаза. Вспомнила слова Максима, сказанные им ранее, когда он проверял мою стойкость: «Жадность делает людей слепыми, а страх — болтливыми».

— Ирина, — сказала я тихо, но отчетливо. — Вы знаете, что такое «Звезда-Голд»? Знаете, сколько денег Виктор перевел туда вчера ночью? И знаете ли вы, что налоговая инспекция получила анонимный запрос на проверку этих транзакций сегодня утром?

Лицо Ирины изменилось. Торжественная улыбка сползла, обнажив растерянность и испуг. Она побледнела, бокал в её руке дрогнул, и капли воды упали на её дорогое платье.

— Ты... ты врешь, — прошептала она.

— Проверь свой телефон, — бросила я и прошла мимо нее.

Я блефовала. Ни сумм, ни запроса в налоговую у меня не было. Зато Ирина смотрела на свой телефон, словно я только что сказала ей пароль. Её вода капала на платье; она этого не замечала. Я шла дальше, не позволяя себе оглянуться. Чем дольше она гадала, что именно я знаю, тем меньше времени у неё оставалось на Мию.

Я вышла из отеля, чувствуя, как ветер треплет волосы. Солнце садилось, окрашивая море в цвет запекшейся крови. Я была жива. Я нанесла первый удар.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от неизвестного номера: фотография записки.

«Ты слишком хороша для этой игры. Завтра в порту. Одна. Если приведёшь кого-то — дочь не увидишь никогда».

Наверху фотографии было выведено: «От Максима».

Но подпись внизу записки была написана другим почерком. Крупным, размашистым, с характерным наклоном буквы «Р». Почерком Виктора.

Я замерла посреди тротуара. Воздух вдруг стал густым, вязким. Максим предупреждал меня? Или Виктор угрожал? Или это был тест, в котором правила менялись каждую секунду? Я посмотрела на темнеющее небо, где первая звезда зажглась, холодная и далёкая. Игра началась всерьез.

Глава 6

Замок на служебном входе скрипнул так, будто мне отказали даже стены. Перекодированный механизм не поддавался ни ключу, ни отмычке из канцелярской скрепки — Виктор почуял неладное после истории с сейфом и перестраховался. Я стояла в темноте служебного тамбура, чувствуя холод бетона через тонкую ткань куртки, и злость закипала где-то под ребрами, густая и черная, как кофе без сахара. Просить было бесполезно. Ждать — роскошь, которой я себя лишила.

В голове всплыло лицо Виктора, смеющегося над моим чеком. «Служанка». Это слово теперь жгло горло при каждом вдохе. Но архитекторы не сдаются перед закрытыми дверями; они ищут обходные пути. Мой взгляд упал на решетку вентиляции под потолком. Старая привычка сканировать пространство работала лучше любого детектива: там, за металлом, начиналась техническая шахта, ведущая к серверной смежного блока, а оттуда — прямой лаз на склад.

Я забралась на стеллаж с постельным бельем, пальцы скользнули по влажной краске. Шаг, еще один. Вентиляция была узкой, пахло пылью и старой плесенью. Локти терлись о металл до крови, но боль была приятной — она доказывала, что я жива и что я здесь, внутри его системы, а не снаружи, униженная и брошенная. Перелезть через перегородку оказалось проще, чем я думала. Технический лаз вел прямо в сердце бизнеса «Морской Звезды».

Внутри склада царила абсолютная тьма. Запах был удушающим: смесь дешевых винных пробников, плесени и дорогого парфюма, который въелся в ковры VIP-лоджи. Я замерла, прижавшись спиной к ледяному бетону. Сердце колотилось так сильно, что отдавало в висках гулом. Шаги. Двое. Не охранники — те ходят шаркающе, тяжело. Эти шаги были уверенными, размеренными. Виктор и его главный бухгалтер.

Они остановились буквально в пяти метрах от меня, за стеллажом с коллекционным алкоголем.

— Проверка мэрии завтра утром, — голос Виктора звучал сухо, как выстрел. — Хвосты надо подчистить.

— Папка №4 на столе директора, — ответил бухгалтер, нервно хихикнув. — Оригиналы договоров на стройматериалы. Часть денег шла на ремонт квартиры Ирины. Если это выплывет...

— Выплывет только то, что я решу показать, — перебил Виктор. — Ты знаешь свою роль. Молчи и исполняй.

Я прижала язык к нёбу, чтобы сглотнуть без звука. Виктор остановился за стеллажом; между нами были бутылки, и его рука могла появиться в просвете в любую секунду. Я сдвигала ступню по полу так же осторожно, как обходила в ресторане пьяных гостей: не задеть, не звякнуть, не привлечь взгляд. «Папка №4». «Ремонт квартиры Ирины». Эти слова нужно было донести наружу, даже если всё остальное забуду.

Бухгалтер упомянул, что оригиналы лежат в кабинете директора. У двери кабинета я попробовала ручку: заперто. План рушился. Мне нужно было выйти наружу и обойти здание через пожарную лестницу, чтобы попасть в кабинет через окно. Риск был огромным: двор освещался камерами ночного видения.

Я выбралась через вентиляцию, проклиная натертые локти, и оказалась во дворе отеля. Небо разразилось внезапным ливнем. Капли били по лицу, смывая пот и страх. Инфракрасные камеры включились, подсвечивая силуэты машин гостей. Я прижалась к багажнику черного седана Виктора. Запах мокрого асфальта смешивался с нотами его дорогого парфюма — тяжелый, мужской, подавляющий. Именно тогда из главного входа вышла Ирина.

Она курила, нервно расхаживая вдоль машины, прижимая телефон к уху. Голос ее дрожал, но слова были полны яда:

— ...Нет, я не пойду на компромисс! Пусть этот дурак сам разбирается со своей бывшей! Она слишком много знает!

Ирина боялась. Страх этой женщины, всегда такой идеальной и холодной, стал для меня союзником. Пока она кричала в трубку, отвлекая внимание дежурного охранника у ворот, я молнией проскользнула к пожарной лестнице. Холодный металл обжег ладони. Я начала подъем. Второй пролет. Третий. Ветер выл, мешая дышать. На четвертом пролете моя нога соскользнула с мокрой ступеньки. Телефон вылетел из кармана. Экран светился в темноте, как маяк, привлекая взгляд внизу. Охранник повернулся.

Паника ударила в голову белым шумом. Я сорвала с шеи легкий шелковый шарф и бросила его вниз, создавая ложную цель. Пока охранник смотрел на падающую ткань, я цеплялась за перила, уходя в слепую зону над ним. Пальцы сводило от холода. Телефон разбился о бетон двора. Связь с Максимом оборвалась. Я осталась одна в темноте, с пустым карманом и ледяным потом на спине.

Окно кабинета директора выходило прямо на лестничную площадку. Оконную створку заклинило от влажности. Я толкала створку плечом, чувствуя, как мышцы рук горят огнем. Безрезультатно. Вдруг внутри кабинета вспыхнул свет. Кто-то вернулся. Это был Виктор. Он вошел, сбросил пиджак на кресло, сел за стол и включил громкую связь.

Я прижалась щекой к холодному стеклу, наблюдая за ним сквозь капли дождя. Он говорил с мэром, смеясь, рассказывая о «проблемах» с неуравновешенной матерью ребенка.

— Ирина права, эта сука слишком тихая, — сказал Виктор, глядя в потолок. — Надо ускорить процесс с интернатом. Пусть думают, что я делаю это ради её же блага. У нее истерика на ровном месте, она опасна для дочери.

Мия уже была в интернате, а Виктор всё ещё хотел «ускорить процесс». Значит, сделанного им было мало. Я прижала ладонь к мокрому стеклу, как раньше тянулась к окну игровой, и сразу убрала её: след мог выдать меня. В кабинете он смеялся. Мне требовалось дождаться, пока он закончит разговор. Я ненавидела эти секунды, но считала их, потому что иначе ударила бы в окно раньше времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.